
Б. В. Орехов

Arbor mundi. Выпуск 12 (М., 2006)

Несмотря на уже почтенную по нынешним постсоветским временам историю (почти такую же, как у ДКХ) и внушительную редколлегию, состоящую из светил первой величины, журнал «Arbor mundi» остался изданием сугубо элитарным, если не сказать эзотерическим. Неясна ни периодичность выхода журнала, ни содержание предыдущих номеров, ни кто сменит почившего Е. М. Мелетинского на посту главного редактора и будет ли журнал вообще выходить в будущем. Показательным образом у издания отсутствует своё представительство в Интернете, как будто это не печатный орган для публикации (то есть обнародования) научных трудов, а тщательно скрываемая священная книга тайного общества и информация о ней распространяется по секретным каналам среди узкого круга посвящённых. Неудача ждёт любого, кто захочет найти хоть какую-то информацию об «Arbor mundi» на сайте организации, которая, как будто несёт ответственность за его издание, — РГГУ. Герметичный дизайн обложки только изящно дополняет пирамиду загадочности для того, кому посчастливится подержать журнал в руках. Другого слова не подберёшь, именно «посчастливится», потому что провинциальные библиотеки его не выписывают (да и как они смогли бы его выписать, если журнал не зарегистрирован в каталоге «Роспечати»?), а попытать счастья в центральных можно не всегда. С соответствующими чувствами прикосновения к тайному знанию я приступил к чтению «Arbor mundi» №12. Почему именно №12? Только потому что именно этот номер почти случайно у меня оказался.

Как и положено элитарным артефактам, «Arbor mundi» не разочаровывает. Высокий уровень исследовательских трудов ещё раз подтверждает сложившуюся репутацию Института высших гуманитарных исследований РГГУ как научного центра, в названии

которого слово «высший» появилось неслучайно. За требующим изрядного интеллектуального напряжения при восприятии материалом И. А. Протопоповой «Метафизика Зазеркалья, или о двух материях у Плотина» в разделе «Статьи, исследования» следует стремительная статья Н. П. Мартыненко «Предпосылки возникновения концепции “инь—ян” в китайской культуре», блистательно связывающая базовый дальневосточный миф с климатическими условиями существования китайской цивилизации. Такие исследования не просто открывают до сих пор неизведанные закономерности в области человеческой культуры, но и внушают другим учёным (может быть, ложное) настроение гносеологического оптимизма. П. В. Резвых посвящает свои (по выражению автора) «размышления» сложной (потому что странной) категории «божественной иронии», предполагающей, как будто, что Бог находится с человечеством в постоянном сократическом диалоге, воспитывая человека через мировую историю.

Неоднозначным выглядит сделанное в конце статьи напоминание автора о том, что «ирония всегда таит в себе угрозу коррупции сознания. В эпоху постмодернизма, на все лады славящего иронию, такое напоминание было бы, пожалуй, не лишним» (с. 81). Дело тут даже не в том, таит ли в себе такую угрозу ирония, потому что речь ведётся о потенциальных вещах, и оценить вероятность реализации этих потенциалов очень трудно — достаточно вспомнить огромное количество блестящих примеров иронии (возвышающейся до самого творческого принципа), на сознание никак не повлиявших (Пушкин, Гейне и далее везде). Но чтобы меня после этих слов не записали в апологеты постмодерна, скажу, что главные мои сомнения относятся не к первой, а ко второй части суждения, вернее, к его коде. Думаю, что не буду одинок, предположив, что постмодерн как эпоха пришёл к своей исчерпанности. Влияние постмодернизма на культурологию остаётся ведущим (к этому располагает предельная неконкретность методов и неразработанность аппарата этой науки), однако если рассмотреть срез различных сфер современной интеллектуальной и художественной деятельности, всеохватность как главный критерий «стиля эпохи», пожалуй, может быть отклонён.

Раздел «Фольклор» состоит из статьи О. Б. Христофоровой «Интерпретации молчания: речевой этикет народов Севера в

заметках путешественников и по данным фольклора», подающей любопытнейший материал двух моделей восприятия одного явления — изнутри культуры и извне её. Выводы исследовательницы более-менее очевидны. Скажем, не станут откровением следующие слова: «Описанные черты речевого этикета коренных народов Ямальского Севера значительно отличаются от поведенческих стереотипов русских <...>. Эти различия нередко приводят ко взаимному непониманию и напряженности в межэтническом общении» (с. 98). Но вот иллюстрации к заявленной теме более чем примечательны. Чего стоит хотя бы следующая картина: «мачты радиостанции ненцы называли “мутера-пя” (“мудрые, умные деревья”), про них говорили “оттуда идет много слов”» (с. 94).

Особенное значение для бахтиноведческого журнала, разумеется, имеет статья Клода Гэнебе и Одиль Риду «“Битва карнавала и поста”» в переводе Ю. Пухлий (можно вспомнить, что в 1990-х годах обложку нескольких номеров ДКХ украшала именно эта картина Питера Брейгеля Старшего, пока выбор не был сделан в пользу нынешнего варианта с полиграфически более удобным П. Мондрианом). Несмотря на завлекательное название, французские авторы обходятся без упоминания Бахтина совершенно, да и вообще, даже не взглянув на имена авторов, очень по многим причинам становится понятно, что в этом тексте мы сталкиваемся с очень отличной исследовательской манерой — как в смысле предпринимаемых аналитических процедур, так и в смысле стилистики изложения.

Очень полезен в подобного рода журнале раздел «Переводы», наполнением которого в этом выпуске стала «Сага об Эрике». Смысл перевода иностранных текстов благороден — введение этих текстов в отечественный научный оборот, сообщение им большей доступности и так далее. Только вот вся эта польза решительным образом перечёркивается недоступностью журнала «*Arbor mundi*», о котором пришлось говорить в начале этой рецензии. То есть создаётся стойкое впечатление, что прочесть «Сагу об Эрике» в оригинале и прочесть её перевод в «*Arbor mundi*» могут довольно небольшие множества людей, причём множества эти большей частью пересекаются. Насколько это можно считать реальным введением текста в научный оборот, вопрос, как представляется, дискуссионный.

Дабы избежать рекурсивности, я собирался обойти вниманием раздел рецензий («Интервью, обзоры, рецензии»), но чистых примеров жанра рецензии в этом разделе как раз нет. Материал М. Ю. Реутина «От мистерии к карнавалу», посвящённый главным образом книге В. Ф. Колязина «От мистерии к карнавалу. Театральность немецкой религиозной и площадной сцены раннего и позднего средневековья» (М., 2002), скорее представляет собой проблемную статью о методологии медиевистики, чем собственно рецензию. Здесь имя Бахтина упоминается дважды, причём один раз в очень характерном контексте, в котором подчёркивается, что отечественная культурологическая традиция (в изводе германистики) родилась именно из критики идей Бахтина А. Я. Гуревичем (с. 221).

Предшествующее статье Реутина интервью с А. М. Пятигорским демонстрирует ожидаемую в таком издании смелость и фундированность суждений. Интервьюируемый с виртуозной лёгкостью переходит от одних масштабных обобщений к другим, не теряя при этом уверенности, которая порой позволяет ему выказывать нечто подобное этому: «Я бы сказал, что Фукуяма — это уплощенный вторичный пересказ Гегеля. Причем, в общем, пересказ бездарный» (с. 211).

Финальный раздел «In memotiam» отзывается на печальные рамки в списке членов редколлегии и редакционного совета журнала, напоминая о том скорбном сезоне, когда один за другим ушли из жизни М. Л. Гаспаров, Е. М. Мелетинский и В. Н. Топоров.

Остаётся только пожалеть, что журнал «Arbor mundi» представляет собой такое герметичное издание, потому что заданная планка научного уровня, будь она стандартом для отечественной традиции, могла бы помочь оздоровлению мутноватого потока культурологических публикаций.

Борис Валерьевич Орехов — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры зарубежной литературы и страноведения, старший преподаватель кафедры русского языка Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы